

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН — ОППОНЕНТ ПУШКИНА

Имя Михаила Алексеевича Бестужева-Рюмина нечасто упоминается в связи с полемикой второй половины 20-х — начала 30-х гг. XIX века.

Составители комментариев к тому критики и публицистики собрания сочинений А. С. Пушкина, а также немногочисленные современные исследователи журналистики и критики рубежа 1830-х гг. упоминают о нем, обращаясь к двум замыслам Пушкина: сатирической сценке «Альманашик» (1830 г.) и заметке «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде» (1829 г.)¹. Они касаются редакторского произвола Бестужева-Рюмина — издателя и обличают его нравственную несостоятельность в качестве журналиста и литератора. Оба пушкинских наброска относятся к так называемой «альманашной» деятельности М. А. Бестужева-Рюмина (в 20-е гг. им издавались альманахи «Майский листок», «Сириус», «Северная звезда»). А между тем, пик его полемических антипушкинских выступлений приходится на 1830 год — год издания «Литературной газеты» и обострения журнальной полемики, которая стала стимулятором размежевания и самоопределения общественно-литературных сил. Протекает эта активная полемическая деятельность на страницах газеты «Северный Меркурий». По резкости и оскорбительности она не уступает болгаринской, а по интенсивности даже превосходит выступления «Северной пчелы».

До сих пор эта газета находится вне сферы исследовательского внимания, она еще не подверглась тщательному изучению в связи с полемикой 1830 года. Хотя необходимо признать, что усвоение этой полемики во всей ее широте и противоречивости — проблема, далекая от окончательного решения, несмотря на то, что исследователи обращались к ней неоднократно. В настоящее время достаточно подробно освещена роль «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Северного архива», «Московского телеграфа», полемических выступлений Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы», а затем в «Телескопе». Однако, круг охваченных полемикой изданий был более широк: помимо упомянутых изданий в ней принимали

¹ См., напр. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. — М.; Л., 1936. — Т. 5. — С. 644—646; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — М., 1964. — Т. 7. — С. 670—671, 681; Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1962. — Т. 6. — С. 536—537, 542; а также: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашик» // Пушкин. Исследования и материалы. — М.; Л., 1956. — Т. 1. — С. 268—277.

участие или занимали по отношению к разгоревшейся «войне журналов» определенную позицию и «Московский вестник» М. П. Погодина, и «Славянин» А. Ф. Воейкова, и «Карманная книжка для любителей словесности» В. Н. Олина, и издававшаяся на французском языке Ш. Сен-Жюльеном газета «Le Fuget». «Северный Меркурий» представляет в этом ряду несомненный интерес.

Это издание либо не привлекало к себе должного внимания, либо сознательно игнорировалось исследователями как образец низкой литературы, функционировавший на неприязнительном уровне журнального быта. Так, Вл. В. Гиппиус — автор одного из первых обстоятельных исследований полемики 1830 г. — не уделял ему внимания, полагая, что нет нужды следить за шутовскими нападками Бестужева-Рюмина и считаться с его вмешательством в полемику. Его интересовали Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, Н. А. Полевой, Н. И. Надеждин как основные и наиболее серьезные противники Пушкина².

По-видимому, одной из причин недооценки газеты Бестужева-Рюмина была тактика издателей «Литературной газеты». Суть ее проясняется в недавно опубликованном письме А. А. Дельвига к издателю «Дамского журнала» кн. П. И. Шаликову, который, будучи обруган в «Северном Меркурии», предложил Дельвигу печатно ответить на оскорбления. Дельвиг отказался, мотивировав это так: «Меркурий» ругает всех с голоду. Ему хочется, чтобы с ним бранились честные благородные люди. Он полагает через это получить несколько лишних подписчиков. Это нищий, желающий наглости выиграть несколько копеек. Я не святой человек, не могу слепо подавать милостину. Кроткому бедняку подам грош, а мерзавца пьяницу оберну да и в затылок. Оставьте его собственной его мерзости. Ваше молчание убьет его, как молчание «Литературной газеты» его убивает»³. Мнение Дельвига разделяло большинство журналистов — с «Северным Меркурием» предпочитали не связываться, а если и упоминали, то с пренебрежением и редко. Решающую роль здесь, видимо, сыграла личность его издателя-редактора — отставного армейского штаб-капитана, который, по словам одного из его сотрудников, «почти постоянно был пьян, почему за мало-мальски исправным выходом этого литературного листка наблюдали другие лица <...>. Речь его, переспанная площадными и извозничьими выражениями, делалась неестественно, по-гостинодворски учтивой, с прибавкой «с» почти к каждому слову, когда он хотел с кем-нибудь быть вежлив по-

² Гиппиус В. В. Пушкин и журнальная полемика его времени//Памяти А. С. Пушкина: Сборник статей преподавателей и слушателей историко-филологического факультета Санкт-Петербургского ун-та. — СПб., 1900. — С. 227—328.

³ Дельвиг А. А. Сочинения. — Л., 1986. — С. 348—349. В примечаниях В. Э. Вацура к этому изданию уже учитывается участие в полемике «Северного Меркурия» и даются отсылки к конкретным номерам газеты. Первая публикация этого письма см.: Хмелевская Е. Н. Письма А. А. Дельвига//Памятники культуры: Новые открытия;/ Письменность;/ Искусство;/ Археология/, 1974. — Л., 1980. — С. 31—32.

своему. Одевался Бестужев безвкусно и имел вид <...> лакея в праздничном туалете, в котором изобиловали яркие цвета <...>. Из всех наук знал порядочно одну лишь русскую грамматику и писал совершенно правильно, но во всем другом отличался поразительным невежеством, которым даже любил хвастать»⁴.

Вполне естественно, что такая личность в роли противника Пушкина могла восприниматься (и воспринималась) как забавный курьез. Но в настоящее время игнорирование активности и агрессивности «низовой журналистики» может привести к нежелательному упрощению и даже искажению общественно-литературной ситуации рубежа 1830-х гг., в которой оказался Пушкин и близкая «Литературной газете» группа писателей⁵. Ю. М. Лотман выделил два взаимодополняющих признака, характеризующих массовую литературу. Во-первых, это ее большая распространенность и осознание в определенном читательском коллективе такой литературы как «культурно полноценной и обладающей всеми качествами для эстетического функционирования», а, во-вторых, «в этом же обществе должны действовать и быть активными нормы и представления, с точки зрения которых эта литература не только оценивалась бы чрезвычайно низко, но и как бы не существовала вовсе»⁶.

В 1830-е годы начинается процесс демократизации. Происходит смена поколений и литературных авторитетов, ощущается завершенность определенного этапа литературного развития. При этом исчерпанность старого интуитивно ощущалась намного раньше логического осознания новых, плодотворных для литературы путей. Неприятие «старого» так широко охватило читающую публику, что она даже чисто психологически не была готова к возможности от-

⁴ Бурнашев В. П. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его памятные литературные вечера // Русский вестник, 1971. — Т. 95. № 9. — С. 252—256. Беллетризованные мемуары Бурнашева не относятся к числу достоверных свидетельств, однако колоритный портрет Бестужева-«Рюмкина» не противоречит известным фактам его биографии и отражает восприятие этого литератора рядом современников.

⁵ В литературоведении уже не раз обращалось внимание на недолустимость игнорирования массовой, низкой литературы. Так, в основе, выдвинутой Ю. Н. Тыняновым модели литературной эволюции оказывается функциональное взаимодействие «вершинной» и «низовой» литературы, при этом последняя стимулирует поиск новых художественных средств, путей для «вершинной» литературы, выполняя роль ее резерва. См.: Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 270—281. Ю. М. Лотман отмечает, что «внутренняя классификация литературы складывается из взаимодействия <...> противоположных тенденций: стремлению к иерархическому распределению произведений и жанров между «высоким» и «низким», с одной стороны, и тенденции к нейтрализации этой оппозиции и снятию ценностных противопоставлений. В зависимости от исторических условий, от момента, который переживает данная литература в своем развитии, та или иная тенденция может брать верх». См.: Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Проблемы поэтики и истории литературы. — Саранск, 1973. — С. 27.

⁶ Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература». — С. 31.

крытый в творчестве Пушкина и его литературного окружения в этот период. У массового читателя они ассоциировались с уже минувшим этапом литературного развития. Журналистика, будучи сама производной этих объективных историко-литературных процессов, внесла в полемику значительную долю возбужденного субъективизма. «Северный Меркурий» — характерный образец массовой, низовой журналистики наступающего «смирдинского» периода русской литературы, типичное порождение переходной ситуации 30-х гг., отличавшейся коммерческим духом, пестротой этических и эстетических программ или отсутствием таковых. Бестужев-Рюмин, сочетая оперативность с незаурядным темпераментом полемиста, в течение года поддерживал интерес к своей газете регулярными грубыми выходками против пушкинского круга и Пушкина лично. У «Северного Меркурия» не было четких политических и литературно-этических установок. Литературные мнения и оценки его ориентировались в основном на Ф. В. Булгарина и Н. И. Надеждина, но несмотря на это, Бестужев-Рюмин всячески подчеркивает свою независимость и беспристрастность. Однако, грубо унижая человеческое и литературное достоинство своих противников, он все-таки не опускался до политических инсинуаций, ограничиваясь сферой текущей журнальной полемики. Главная цель его издания — борьба с литературными аристократами, дискредитация «знаменитых друзей», основавших общество взаимного восхваления — «Литературную газету». Бестужев-Рюмин прибегнул к повторению чужих обвинений, варьированию чужих тем и мотивов, поднятых в ходе полемики, будучи не в состоянии самостоятельно скомпрометировать издателей «Литературной газеты». Выступления против пушкинского круга стали для него и данью моде, и формой борьбы за существование, за место в профессиональной журналистике. Он желал чувствовать себя равным Пушкину, Дельвигу, Сомову, Полевому, Булгарину, не видя между ними принципиальных различий. В Бестужеве-Рюмине воплотились типичные черты мещанского эклетического типа сознания, настроенного весьма воинственно. Для обостренной литературно-исторической чуткости Пушкина он стал именно в силу своей ничтожности и пошлости настораживающим проявлением «официального демократизма» в его наиболее негативных формах. Систематические антипушкинские выходки «Северного Меркурия» на фоне полемики «Северной пчелы», «Сына отечества и Северного архива» и «Московского телеграфа» с «Литературной газетой» могут стать темой отдельного исследования. Мы же ограничимся лишь некоторыми.

Наиболее заметным выступлением газеты был большой памфлет «Сплетница», занявший 2 апрельских номера: № 49 и 50 от 23 и 25 апреля⁷. При этом номер 50 получил цензурное разрешение лишь 28 июня, т. е. спустя 2 месяца после появления первой части

⁷ Подробнее о «Сплетнице» см.: Гаевский В. П. Дельвиг // Современник, 1853. — № 2. — С. 45—88; № 5. — С. 1—66; 1854. — № 1. — С. 1—52.

статьи. «Сплетница» так открыто намекала на личности, так детально описывала закулисные подробности сложившейся журнальной ситуации, что это, по-видимому, стало причиной приостановки ее печатания. Бестужев-Рюмин в искаженном шаржированном виде детально описывает взаимоотношения «Северной пчелы» с «Московским телеграфом», возникновение «Литературной газеты», ее программу, начало полемики, грубо задевая при этом личности Дельвига, Пушкина, Сомова. Каждый из них легко угадывается под прозрачным прозвищем. Дельвиг предстает под именем Аделаиды Антоновны Габенихтсиной (впервые барон Шнапс фон Габенихтс появился в № 13 «Сына Отечества») ⁸. Орест Михайлович Сомов — под именем Василисы Михайловны Китовой, Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин — под именами, соответственно, Мавры Ивановны Крупиной и Эмилии Венедиктовны Критиковской, а Николай Алексеевич Полевой превратился в Матрену Алексеевну Лесную. «Все четыре — содержательницы магазинов, в которых торгуют они одинаковыми товарами, только различной доброты». Пушкин предстает как мастерица Александра Сергеевна, которая «прежде работала прилежно <...> и потому продавала (свой изделия — А. А.) весьма успешно, хотя и крайне дорогою ценою, но в последнее время стала лениться и начала работать кое-как, лишь бы с рук сбыть, да взять денежки». «Сплетница» изобилует описанием реальных отношений и ситуаций, складывавшихся в журнально-издательском мире. При этом Бестужев-Рюмин прибегает к практически дословному цитированию ряда выступлений «Литературной газеты», сопровождая их собственным издевательски-сатирическим комментарием. Он обнаруживает ряд подробностей личной жизни ее издателя и ближайших сотрудников. Все это сделало «Сплетницу» злобным, открыто враждебным выступлением против пушкинского круга.

Непосредственным поводом для обвинения «Литературной газеты» в распространении сплетни явилось следующее недоразумение: в статье Греча «О происхождении имени Руссов» в «Сыне Отечества» № 15 от 12 апреля содержался пренебрежительный отзыв об исторических штудиях Полевого: «Ныне некто Г-н Николай Полевой, в сочинительском пылу о дарованиях и знаниях своих возмечтав, первый том Истории Русского народа напечатал, и там равномерно свои суесловия о происхождении Руссов поместил». В ситуации тактического союза Булгарина с Полевым это была явная опрометчивость. П. А. Вяземский, давно убежденный в случайности и непрочности их союза, в «Литературной газете» № 23 от 21 апреля, поспешно возвестил его конец и осторожно попытался защитить Полевого от Греча: «Все благоразумные люди предвидели, что дружбе Телеграфа с Сыном Отечества не долго сдобровать, но никто не мог угадать, что союз сей, недавно заключен-

⁸ Опять литературный крючок!//Сын Отечества и Северный архив, 1830. — Т. XI, № 13. — С. 236—243.

ный, рушится так скоро <...>⁹. Приведенные выше слова Греча о Полевом сравнивались с бомбой, пущенной в неприятельский стан и возвестившей «крутой и неожиданный конец перемирия». Есть основания для предположения, что этот шаг «Литературной газеты» был воспринят Булгариным, как опасная попытка углубить наметившийся по неосторожности Греча раскол. Вероятно, ему был дан совет немедленно загладить свою неловкость, и в № 17 «Сына Отечества» от 26 апреля помещен неубедительный и беспомощный ответ издателя Альдебарана господину Коврижину (одно из дежурных прозвищ Вяземского), где Греч хочет представить злополучную статью как шутку, на которую неожиданно серьезно отреагировала «Литературная газета»: «И по этой статье заключают в Литературной газете, что возгорится война между Сыном Отечества и Телеграфом! Я не надеялся такого успеха, не думал, что сообщенные мною шуточные пародии будут приняты за статьи серьезные»¹⁰. В этой ситуации и появляется памфлет «Сплетница». Удивительна оперативность Бестужева-Рюмина. Через день после статьи Вяземского, 23 апреля печатается начало «Сплетницы». 25-го должно было следовать окончание, кульминацией которого была успешная реакция П. А. Вяземского на недоразумение между «Сыном отечества» и «Московским телеграфом». Таким образом, не Греч, а именно «нейтральный» Бестужев-Рюмин должен был первым объявить, что никакой ссоры не было, что это шутка, которую не поняла «Литературная газета». Беспомощная статья Греча появилась через день после запрещения второй части «Сплетницы» и повторила ту же версию. Вряд ли это простое совпадение. Не исключено, что «Сплетница» была задумана по подсказке Булгарина, склонного исправлять свои промахи чужими руками; и когда из-за цензурного вмешательства не удалось вовремя реализовать возложенную на нее задачу, пришлось срочно прибегнуть хотя бы к вялому опровержению — оправдыванию Греча. В заключительных строчках памфлета в разных сочетаниях повторяется слово «сплетница». Думается, что эта нарочитость не случайна. Можно предположить, что применительно к «Литературной газете» оно имело особый смысл, раскрывающийся в последней реплике Лесной, обращенной к Габенихтсиной (т. е. Дельвигу-редактору): «Но о каких ты разглагольствуешь своих правилах? <...> Посмотри-ка, сударыня, на себя в зеркальце! — Неужели ты не увидишь ничего?.. Ах, ты, сплет-

⁹ Заметка Вяземского тесно связана с его же острополюемической статьей «О духе партий, о литературной аристократии», опубликованной в этом же номере. Ср.: «...читайте журналы, сии обличительные хроники анархической литературы нашей, в коих написанное за год, за неделю, в явном противоречии с написанным сегодня, в которых вчерашний враг готовится в завтрашние друзья, и наоборот, и вы увидите, на которой стороне заводятся партии и заключаются и расстраиваются союзы». (Выделено мною — А. А.). — С. 182—183. Таким образом, заметка являлась конкретным подтверждением, иллюстрацией положений программной статьи «Литературной газеты».

¹⁰ *Сын отечества и Северный архив, 1830. — Т. XI. — № 17. — С. 304.*

ница!» — т. е., «посмотрев на себя», «Литературная газета» может увидеть нечто недостойное, расходящееся с ее собственными установками¹¹. Не исключено, что это намек на заметку Пушкина «О записках Видока»¹². Если это так, то «Сплетница» была задумана и как косвенный ответ на разоблачение Булгарина-Видока. Как известно, разоблачение связи Булгарина с III Отделением произвело большое впечатление. «Булгарин полупел до того от «Видока», что уехал ранее обыкновенного в деревню», — писал А. А. Дельвиг Пушкину (XIV, 90—91). В сложившейся ситуации ни «Северная пчела», ни «Сын Отечества» не могли открыто опровергнуть выступления «Литературной газеты». Не исключено, что именно «Сплетница» оказывается первой (и оперативной) реакцией на памфлет Пушкина, первым выступлением против «Литературной газеты» с момента его появления, нарушившим это красноречивое молчание. Независимо от того, подтвердятся или нет наши предположения, можно констатировать, что объективно выступление «Северного Меркурия» с памфлетом «Сплетница» было не только оскорбительной выходкой против издателей и сотрудников «Литературной газеты», но оно явилось выступлением с позиций грече-булгаринского лагеря, стремившегося к укреплению отношений с «Московским телеграфом», которые могли пошатнуться после опрометчивого выступления Греча против Полевого в «Сыне отечества». Полевой представлен в нем верным союзником Греча и Булгарина, обвиняющим газету Дельвига в распространении «сплетен». Запрещение номера «Северного Меркурия» от 25 апреля с продолжением «Сплетницы» ослабило ее полемический эффект. Видимо, поэтому, стремясь заполнить вынужденную паузу, в №№ газеты от 9 и 12 мая печатается «Послание ко всем благообразованным Россиянкам», в котором грубо задеваются личности Пушкина и Дельвига. Писатели пушкинского круга обвиняются в тщеславии и меркантильности. Здесь повторен и ряд полемических мотивов «Сплетницы». Призывая «благообразованных» дам заниматься сочинительством, автор послания перечисляет все блага, которые можно извлечь из издания своих литературных опытов и, в частности, советует по примеру «знаменитейших наших Писателей», приложить к собранию сочинений свой портрет: «Если многие из наших Писателей, вовсе еще не заслужившие той чести, чтобы лики их сохранились для потомства, выгравировывают свои портреты, — то не приятнее будет каждому иметь у себя портрет прелестной женщины или девицы, нежели какого-нибудь рифмотворца, которого подлинная особа хотя и одарена не весьма благообразною наружностью, но которому

¹¹ См. программную редакционную заметку «Литературной газеты»: «...Издатель признает за необходимое объявить, что в газете его не будет места критической перебранке. Критики, имеющие ввиду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будут с благодарностью принимаемы в «Литературную газету»//Литературная газета, 1830. — Т. 1.

¹² Литературная газета, 1830. — № 20. — С. 162.

польстил живописец, а лесть живописца увеличил гравер». Как известно, гравированный портрет Пушкина (гравюра Уткина с оригинала О. Кипренского) был помещен в альманахе «Северные цветы» на 1828 год. Кроме того, в № 5 «Литературной газеты» от 21 января помещен доброжелательный отзыв В. П. Лангера о рисунках Кипренского, среди которых упомянут и портрет Пушкина. Естественно, что в такой ситуации имя «рифмотворца» ни для кого не могло остаться тайной. Заметим, что ни одна газета, за исключением «Северного Меркурия», не позволяла себе публично обсуждать внешность противников, упрекая их в неблагообразности. Любопытно, что Пушкин отреагировал на эту выходку в одной из заметок «Опровержения на критики»: «В газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком лстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула» (XI, 162)¹³.

Все сказанное позволяет предположить, что в отдельные моменты существовали достаточно тесные контакты между Бестужевым-Рюминым, Гречем и Булгариным. Наличие подобных связей существенно усложняет картину полемики 1830 г. и заставляет более внимательно подойти и ко второстепенным ее участникам. Сложившееся убеждение в том, что Пушкин был безразличен к грубым выходкам и пошлостям «Северного Меркурия», видимо, ошибочно. Ироничное замечание об огорчении, причиненном объявлением о его неблагообразности, не единственный среди болдинских полемических заметок текст, относящийся к Бестужеву-Рюмину. С ответом ему связаны заметки: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. ...», «Кстати, начал я писать с 13-ти летнего возраста...», «В другой газете объявили, что...», «Между прочими литературными обвинениями...» (замечание о цене «Евгения Онегина») ¹⁴. Первая из названных заметок традиционно связывается со статьями Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» и «Две повести в стихах: Граф Нулин и Бал». Именно эти статьи упоминаются практически во всех реальных комментариях к различным изданиям собрания сочинений Пушкина. Имя Бесту-

¹³ См.: Принцева Г. А. Николай Иванович Уткин. — Л., 1983. — С. 77.

¹⁴ Не вдаваясь здесь в текстологические подробности, напомним, что Вас. В. Гиппиусом восстановлена хронологическая история текста болдинских полемических заметок, известных под заглавиями <Опровержение на критики> и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», значительно отличающаяся порядком следования заметок от возникших позднее замыслов «Опровержения на критики...» и «Опыта отражения...». В этих проблемно-тематических циклах и растворился впоследствии «первый по времени цикл» заметок. «Первый по времени цикл» был записан Пушкиным в такой последовательности: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. ...», «Кстати я начал писать с 13-летнего возраста...», «Перечитывая самые бранчивые критики...», «Habent sua fata libelli», «В одной газете официально сказано было...», «В другой газете объявили, что...», «Иной говорит: какое дело...». Подробнее об этом см.: Гиппиус В. В. Из материалов редакции академического издания Пушкина: О текстах критической прозы Пушкина/Отчет о работе над XI томом//Пушкин. Временник пушкинской комиссии. — М.; Л., 1939. — Т. 4—5. — С. 564.

жева-Рюмина и издаваемая им газета в связи с заметкой «Граф Нулин наделал мне больших хлопот...» даже не упоминаются. Вероятно, они и не попадали в поле зрения комментаторов и редакторов. Между тем, анализ пушкинской заметки позволяет увидеть не одного, а двух, или более, адресатов. Постоянно употребляемое в ней множественное число не просто традиционная вежливая форма, а реальное обращение к двум противникам. Думается, что вторым был Бестужев-Рюмин. Обратимся к тексту пушкинской заметки: «Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Нат. <альби> Павл. <овны> сделали п<етер>б<ургские> дамы: какая дерзость! <...> Верю стыдливости моих критиков; верю, что Гр.<аф> Нулин точно кажется им предосудительным. <...> Эти господа критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, — и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашается неприличным, безнравственным, похабным etc! <...> Вероятно, благоразумный наставник не даст в руки ни им, ни даже братьям их полных собраний сочинений ни единого классического поэта. Но публика не 15-летняя девица, и не 13-летний мальчик». (XI, 155—156) (разрядка моя — А. А.). Сравним возражения Пушкина с отрывком из статьи Н. И. Надеждина «Две повести в стихах: Граф Нулин и Бал» и фрагментами из статей «Северного Меркурия»:

**«Вестник Европы», 1829. № 3.
С. 225**

«Поэт не столько милостив для читательниц: он просит Петербургских дам, с их позволения, самим

Представить ужас пробуждения

Натальи Павловны...

И разрешить, что делать ей.

Это не совсем вежливо! Может быть, многие из наших Московских дам, не бывавших в таких случаях, не будут и уметь дополнить сами собою этот пробел».

Там же. С. 227—228

«Сцена, происшедшая между Графом и Натальей Павловной, без сомнения очень смеш-

**«Северный Меркурий», 1830.
№ 91 от 1 августа**

«И у нас в Петербурге стоит только заглянуть в некоторые уголки, — Бог знает, что увидишь <...> Неужели по Наталье Павловне, изображенной в Графе Нулине, можно иметь общее понятие о Русских дамах <...> Неужели можно определительно заключить о нравственности Петербургских дам по совету, которого испрашивает у них Певец Нулина, чтобы вывести из затруднительного положения свою героиню?.. Кажется, нельзя и неблагоприятно».

**«Северный Меркурий», 1830.
№ 96 от 11 августа**

на. Можно легко поверить, что ей от всего сердца

Смеялся Лидин, их сосед,

Помещик двадцати трех лет.

Я и сам, хоть не помещик, но завалившись недавно еще за двадцать три года, не могу не разделить его смеха, хотя и не имею на то особых причин, какие, вероятно, имел он. Но как-то покажется это моему почтенному дядюшке, которому стукнуло уже пятьдесят, или моей двоюродной сестре, которой невступно еще шестнадцать, если сия последняя (чего боже упаси!), соблазненная демоном девичьего любопытства, вытащит потихоньку из незапирающегося моего бюро это сокровище?.. Греха не оберешься!..».

Описывается следующая ситуация: девица, в кругу своих сверстниц, пожилых дам и мужчин читает вслух номер «Литературной газеты», где было опубликовано стихотворение «Смуглянка».

«Представьте себе затруднительное положение, в которое была приведена сия <...> невиненькая девочка лет 16-ти, когда она дошла до того места, где поэт слишком дал волю своему воображению, и где он говорит:

Я все, что носит имя счастья,

И жизнь свою готов отдать

Чтоб¹⁵

<...> Смятение ее и прочих девиц <...> увеличивалось еще более, когда они заметили, что самые мужчины, были, по видимому, приведены в некоторое замешательство. Мать Анеты <...> вышла почти из самой себя <...> «Эдакий разврат! Эдакое бесчиние!» Восклицала она беспрестанно».

Сопоставляя приведенные отрывки, приходим к выводу, что фрагмент о «петербургских дамах» не в меньшей степени восходит и к Бестужеву-Рюмину. Обращаясь к излюбленному аргументу своих противников — ссылке на несовершеннолетних читателей — Пушкин, наряду с «15-летней племянницей» одного критика, упоминает о «15-летней знакомой» другого, о стыдливых «братцах». Надеждин в своей статье ужасался, если поэма попадает в руки его 15-летней двоюродной сестре — «племянница» относится, очевидно к нему, а «15-летняя знакомая» и «13-летние «стыдливые» братцы» больше напоминают высоко нравственное общество «Северного Меркурия». Очевидно, что Бестужев-Рюмин заимствует и

¹⁵ «Любопытным (разумеется мужчинам)» дан совет «самим справиться с № 43 «Литературной газеты». В газете было: «Чтоб на груди ея узнать Взаимный трепет сладострастья». «Смуглянка» напечатана анонимно. Ее автором был предположительно третьестепенный литератор Шibaев/подробнее об авторе см.: Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831: Указатель содержания. — М., 1966. — С. 173; Вацуру В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. — М., 1978. — С. 208. В кругу «Северного Меркурия» это стихотворение приписали кому-то из поэтов пушкинского круга, если не самому Пушкину.

варьирует обвинения Надеждина, высказанные в адрес Пушкина в 1828—29 гг. Влияние статей «Литературные опасения за будущий год» и «Две повести в стихах: Граф Нулин и Бал» было очень широко. Не соглашаясь с Н. И. Надеждиным, полемизируя с ним, и Н. А. Полевой, и Ф. В. Булгарин все же попадали под влияние его острых антипушкинских выступлений. Не избежал этой участи и Бестужев-Рюмин. Иное дело, что влияние это было поверхностным, и оригинальные идеи критика остались не понятыми и не принятыми современниками. Не вникая в суть принципиальных требований, с которыми Надеждин подходил к современной литературе, Бестужев-Рюмин отбирает те эффективные эпатазирующие обвинения, усвоение которых не требует интеллектуальных усилий и оказывает воздействие на массового читателя. То, что Надеждиным использовалось в качестве иллюстрации глубоких теоретических положений или для популяризации своих программных эстетических взглядов, а потому не являлось самоцелью и выполняло иллюстративную функцию, у издателя «Северного Меркурия» выступает на первый план. Его неправомерно считать даже вульгаризатором Надеждина, т. к. сфера идей оставалась для него недоступной (да и не нужной).

Непосредственное отношение к газете Бестужева-Рюмина имеет и болдинская заметка Пушкина о цене на «Евгения Онегина»: «Между прочими литературными обвинениями, укоряли меня слишком дорогою ценою Евгения Онегина и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду своих сочинений не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели Сев.<ерной> Пч.<елы>?» (XI, 154). (Разрядка моя — А. А.)

Впервые на нее обратил внимание Вас. В. Гиппиус¹⁶, отметив, что не Булгарин, а именно Бестужев-Рюмин первым уколот Пушкина высокой ценой «Евгения Онегина», использовав для этого библиографическое объявление о выходе из печати «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина по цене 30 руб. и собрания басен И. А. Крылова по 4 руб.: «Припомните, — замечает он язвительно, — что за 7 глав «Евгения Онегина», которые вы читываете в 3 часа времени, и в которых едва ли есть 15 листов бумаги, надобно заплатить 35 руб., слова нет, что похождения Евгения (как бишь его по батюшке) Онегина для каждого необходимого и полезнее, чем История Карамзина, но... (Продолжение впредь)»¹⁷.

В «Северном Меркурии» затронули очень неприятную для Пушкина тему. Известно, что на рубеже 30-х годов имя Карамзина становится своеобразным знаменем пушкинского круга, его нравственный авторитет чрезвычайно высок для Пушкина. Видимо, по-

¹⁶ Подробнее см.: Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. // Пушкин: Современник пушкинской комиссии. — М. — Л., 1941. — Т. 6. — С. 240.

¹⁷ Северный Меркурий, 1830. № 60.

этому он так обстоятельно раскрывает в своей заметке весь механизм ценообразования на современном книжном рынке, отклоняя обвинения в меркантильности и корыстолюбии, но нигде не упоминает имени Карамзина, вероятно, предпочитая не затрагивать эту неприятную для него тему. Такое умолчание заметно тем более, что Пушкин объясняет подробно причины дешевизны басен И. А. Крылова.

Сделанные наблюдения, разумеется, не исчерпывают тему «Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина». Думается, что дальнейшее ее изучение целесообразно было бы связывать с проблемой воздействия низовой литературы и журналистики на творчество Пушкина-полемиста и литературную тактику близкого ему круга писателей¹⁸. Не преувеличивая значения Бестужева-Рюмина, следует учитывать, что сам Пушкин не был безразличен к его оскорбительным выходкам: готовил ответные полемические выступления — уже упомянутые наброски «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной Звезде», «Альманашик», не раз упоминал о нем в письмах, набросках полемических статей («Спрашиваю, по какому праву Сев.<ерная> Пч.<ела> будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь «Сев.<ерный> Меркурий» (XI, 194). В неоконченной статье «Баратынский» (осень 1830 г.) Пушкин приходит к неутешительному выводу: «<...> довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки — тем не менее их приговоры имеют решит.<ельное> влияние» (XI, 186) — а значит, тактика игнорирования ничтожного противника себя не оправдывала. Пушкинскому кругу в новых условиях приходилось считаться и с такими «литераторами», в противном случае им грозила потеря авторитета у широкой читательской аудитории. Опыт разгоревшейся зимой — летом 1830 г. полемики осмысливается Пушкиным осенью в Болдине. В одной из заметок «Опровержения на критики» Пушкин приходит к важному, во многом программному для его творческой практики, выводу о необходимости активного полемического диалога с любым (даже низким, ничтожным) противником: «Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин, или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь <...> суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes public), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу — мало по малу образуется и уважение к личной чести

¹⁸ Содержательная статья В. Э. Вацуро положила начало изучению непростых литературных взаимоотношений Бестужева-Рюмина с писателями пушкинского круга. См.: Вацуро В. Э. Из литературных отношений Баратынского // Русская литература, 1988. — № 3. — С. 153—163.

гражданина и возникает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов» (XI, 162—163). Поиск адекватной формы ответа своим противникам — Българину, Полевому, Надеждину, Бестужеву-Рюмину и другим — осуществляется в ходе работы над болдинскими полемическими заметками¹⁹.

¹⁹ Подробнее см.: Алешкевич А. А. Из наблюдений над критико-полемической прозой А. С. Пушкина 1830 года//А. С. Пушкин. Проблемы творчества. — Калинин, 1987. — С. 95—105.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991